

Теоретические дискурсы и дискуссии

«Постсоветская сексуальная революция»: история и современность. Материалы круглого стола

DOI: 10.19181/inter.2019.17.1

Ольга Здравомыслова¹

В материалах круглого стола, состоявшегося 30 марта 2018 года, обсуждается широкий круг проблем, связанных с современной сексуальностью, регулируемыми ее социальными нормами, и историческими обстоятельствами, под влиянием которых эти нормы складывались. В выступлениях участников обозначаются три поколения сексуальной революции в России: поколение поведенческой революции, поколение дискурсивной революции и поколение гендерной революции. Рассматриваются большевистские гендерные реформы, выразившиеся в принятии законов, направленных на изменение роли женщины в семье и обществе и изменивших базис отношений между мужчиной и женщиной благодаря законодательному закреплению равенства полов. Авторы указывают на принципиальные различия в темпах и характере гендерной модернизации в странах Запада и в России, выразившиеся в том, что на Западе последствия «сексуальной революции» 1968-го года в значительной степени изменили поведение и мужчин, и женщин, в странах же Советского блока изменились преимущественно только женские роли. Отмечается, тем не менее, что, хотя мужчины проявляют все больший интерес к активному отцовству, женщины в массе своей оставляют за собой право принимать все репродуктивные решения самостоятельно.

Ключевые слова: гендер, сексуальность, сексуальная революция, изменение гендерных ролей, репродуктивный выбор, осознанное отцовство, модернизация, семья

Вступление

¹ Здравомыслова Ольга – доктор философских наук, исполнительный директор Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), otz7253@gmail.com.

Модератор круглого стола – Ольга Здравомыслова. Участники дискуссии: Любовь Борусяк, ведущий научный сотрудник МГПУ, доцент НИУ ВШЭ; Юлия Градскова, доцент университета Содерторн (Швеция); Йенс Зигерт, Руководитель проекта «Общественная дипломатия. ЕС и Россия»; Ольга Исупова, старший научный сотрудник Института Демографии НИУ ВШЭ; Хелен Карлбак, доцент университета Содерторн (Швеция); Елена Онегина, сотрудница Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург; Анна Темкина, со-директор гендерной программы Факультета социологии и философии Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда.

Инициатива проведения этого Круглого стола принадлежит Юлии Градсковой, историку из Швеции, с которой мы как-то обменялись репликами в фейсбуке (это, кстати, о полезности социальных сетей) по поводу того, что тема постсоветской сексуальной революции, если и не забыта, то недостаточно отрефлексирована именно в такой формулировке – «сексуальная революция». Конечно, в постсоветском обществе это явление, этот процесс не появились неожиданно, они, безусловно, имеют историю в России XX века. Существует достаточно большой корпус работ, в том числе и отечественных, которые так или иначе эти сюжеты затрагивают. И, одновременно, тема, которую мы обсуждаем, непосредственно связана с юбилеем 1968 года на Западе. В протестных движениях 1968 года вопрос об изменении гендерных отношений и сексуальной революции, сыграл важнейшую, хотя неоднозначную роль.

В ходе подготовки сегодняшнего Круглого стола сложилось российско-шведское сотрудничество. С одной стороны, организатором Круглого стола выступает «Клуб Раисы Максимовны Горбачевой» – постоянно действующий проект, существующий в Горбачев-Фонде с 1997 года, начавшийся еще при жизни Раисы Максимовны.

Другой организатор Круглого стола – Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований Университета Сёдерторн (Швеция). Наконец, постоянный партнер Горбачев-Фонда – «Журнал исследований социальной политики» (ЖИСП), который на протяжении многих лет поддерживает исследования социальной политики и гендерные исследования.

Юлия Градскова, исследователь Университета Сёдерторн, Стокгольм.

Как историк, я давно интересуюсь 1968 годом в Западной Европе. С этой временной точки в истории начался и мой интерес к российской сексуальной революции, трансформации сексуальности, которая произошла в 1990-е годы в постсоветской России.

Сейчас в Швеции проходит много обсуждений, связанных с 1968 годом. Когда-то у меня была мечта найти книгу, которая могла бы объяснить, что это было – 1968-й в Европе. Но, конечно, такой книги не существует, потому что история событий 1968 года в Западной Европе гетерогенна. Связано это с гетерогенностью памяти участников событий, групп, организаций. Написать историю 1968-го довольно сложно, но мне кажется, что есть много общего между этой историей и тем, что произошло в России в начале 1990-х. Это вопрос для обсуждения, для дискуссии, которую мы начинаем сегодня и надеемся продолжать.

Дискурс сексуальности в России: в чем специфика?

Анна Темкина, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Сначала скажу о некоторых ограничениях моего выступления. То, о чем я буду говорить, – это довольно широкие мазки, широкая рамка. Некоторые распространенные представления о российской сексуальной революции, как мне представляется, могут прояснить ответ на вопрос: что характерно сейчас в России для дискурсов о сексуальных домогательствах и практиках сексуальности?

В России «сексуальная революция» – это, конечно, с одной стороны, метафора, с другой стороны, мы придерживаемся концепции Игоря Семеновича

Кона, который формулировал понятие сексуальной революции через описание основных трендов либерализации сексуального поведения и подчеркивал, что эти тренды в большей степени имеют отношение к изменениям в поведении женщин, чем мужчин.

Используя метафору «либерализации» сексуальности, мы и наши коллеги из Финляндии в середине 1990-х годов проводили исследование в Санкт-Петербурге. Был проанализирован большой массив текстов интервью – нарративов о сексуальной жизни. На основе результатов этого исследования нам удалось выделить три поколения сексуальной революции: поколение поведенческой революции, поколение дискурсивной революции и поколение гендерной революции.

К первому поколению относятся люди, которые родились в 1950–1960-е годы, формировались в 1970–1980-е. Это люди советского времени, которые рассказывают о 1970-х годах, когда они жили так, как будто сексуальная революция произошла – рассказывают о внебрачных сексуальных отношениях, множественности, вариативности партнеров, некоторой вариативности сексуальной жизни. Мы назвали это «поведенческой революцией».

В России между первым и вторым этапами сексуальной революции существовал разрыв: поведенческая и дискурсивная революции произошли в разное время. В то время как на Западе они произошли одновременно, в период, условно говоря, 1968 года, когда открылся дискурс, изменились поведенческие практики и произошла гендерная революция, существенно изменившая гендерные отношения.

У нас сексуальная революция прошла несколько этапов. В советское время сексуальное поведение уже менялось, но дискурсы не изменились. Хотя говорить так – в известном смысле, упрощение, потому что анализ поздних советских дискурсов показывает, что о сексуальности говорили не так уж мало. Другое дело, что само слово «сексуальность» не использовали, а, в основном, «половые отношения».

Можно выделить несколько потоков информации и литературы, которые существовали в позднее советское время. Во-первых, обсуждались социальные стандарты: что плохо, что не надо делать. Внебрачные связи, добрачные связи, венерические заболевания описывались как негативные явления, которых надо избегать, – тем не менее, описание того, что следует избегать, позволяло называть и обсуждать то, что существовало в жизни. Во-вторых, были авторы, которые писали о гармонии жизни в браке, но, тем не менее, допускались обсуждения некоторых поведенческих вариаций, связанных с сексуальной жизнью. Были изданы пособия для учителей, в которых вводились различия: мальчик, мужчина, девочка, женщина, – и обсуждались особенности сексуальной жизни, или «половых отношений».

Что было достаточно прочно в официальном дискурсе? То, что все это сводилось к браку: либо поведение отклоняется от брака, либо не отклоняется. Тема брака все это объединяла, хотя внутри нее не было полного молчания. Говорили, что в советском дискурсе не было секса: в том смысле, что не было дискурса сексуальности. Это не совсем верно: дискурс был, но довольно специфический, организованный несколькими дискуссиями позднего советского времени.

Что еще важно? Прежде всего то, что удалось выделить несколько сценариев сексуальности в рассказах людей о своей сексуальной жизни. Сексуальные практики позднего советского поколения (1950–1960-е годы

рождения) стали более либеральными в рамках демократизации сексуальной жизни и признания ценности дружеских отношений – мы назвали их романтическим и коммуникативным сценарием. Но принципиально важно, что сохранялись двойные гендерные стандарты и отсутствовали социальные институты, которые поддерживали бы либеральные практики сексуальности и делали бы их менее рискованными. В первую очередь, не было сексуального просвещения и распространения эффективной и надежной контрацепции.

Женщины в этом поколении рассказывают о себе как об объекте сексуальных отношений, о том, что их сексуальная жизнь зависит от мужчины. И если с мужчиной «не повезло», то это значит, что сексуальная жизнь у нее не удалась. Например, респондентка говорит: «оргазм я ни разу в жизни не испытала, муж заботится только о себе». Такие высказывания не исключение, а бесконечное повторение в этих нарративах. То есть женщина – объект мужского желания, и именно таким образом она себя позиционирует.

С другой стороны, для советских женщин характерен постоянный страх абортов, который очень сильно влияет на их сексуальную жизнь. Аборты рассматриваются, в основном, как женская проблема. Когда мы спрашиваем мужчин: сколько абортов сделала ваша жена, они часто не знают, потому что это считается «женской сферой», а граница между мужскими и женскими сферами в сексуальности воспроизводится очень четко.

Дальше сценарии смещаются. Так, мы замечаем смещение у позднесоветского поколения, которое рассказывает историю своей сексуальной жизни в двух сценариях, или двух фреймах: романтическом и дружественно-коммуникативном.

Романтический – это жизнь со страстями, сексуальная жизнь как приложение к чувствам, к роману, к объектам. Респонденты очень много рассказывают о чувствах, взлетах и падениях, об изменах, о смене партнеров, браках и разводах и т.д. Это уже далеко не только пронаталистские сценарии, в которых женщина не удовлетворена сексуально и боится абортов, и вся ее сексуальная жизнь существует для того, чтобы родить ребенка и удовлетворять мужа.

Романтический сценарий – это уже другое. Как и еще один сценарий, дружеско-коммуникативный, когда секс – продолжение дружбы, тусовки, совместных интересов, совместного времяпрепровождения. В этом сценарии уже больше коммуникаций, в том числе по поводу секса, но, в общем-то, пары очень мало говорят о сексуальности. Сохранялся стандарт, когда женщины позиционируют себя объектом сексуального желания и объектом сексуального действия. Инициативу проявляет мужчина, за качество сексуальной жизни отвечает мужчина, а за контрацепцию, тем не менее, отвечает женщина.

Следующий этап – дискурсивная сексуальная революция. Понятно, что огромное количество изменений возникает в 1980–1990-е годы. И, соответственно, появляются новые сценарии сексуальности, которых или не было в советское время, или они были редкостью. Один сценарий мы назвали гедонистическим, другой – рыночным. Гедонистический сценарий: сексуальная жизнь становится сферой сексуального удовольствия. Дискурсивных средств появилось очень много: журналы, порнопродукция, секс-индустрия. Этот язык распространился очень быстро. И следующее поколение уже рассказывает о сексуальных практиках и техниках. Это прилагается и к отношениям в романтическом сценарии, но он становится более дружеским, когда много всего обсуждается. Но меняется и секс, который тоже приносит удовольствие.

В таком сценарии становится более выраженным партнерство, появляется признание того, что у женщины есть сексуальные потребности. Границы между женским и мужским становятся более прозрачными.

Еще один новый сценарий – рыночный: женщины достаточно четко позиционируют секс как обмен на некоторые блага – деньги, статус, условия жизни. Респондентка рассказывает: «я плачу сексом за то, что меня содержат, кормят».

Это не значит, что речь идет о проституции, но отношения в паре построены по принципу взаимного обмена, напоминающего рыночную модель.

С осторожностью обозначая этапы сексуальной революции, надо сказать об уменьшении роли гендерных стандартов и о том, что происходит все более заметное сближение образцов женского и мужского поведения. На постсоветском этапе признается, что сексуальные потребности женщины и мужчины практически равноправны. В этом состоит большой контраст с советским поколением: респондентки из молодого поколения рассказывают о том, как у них выстраивается сексуальная жизнь, как они ищут себе подходящего партнера, как они выстраивают с ним отношения.

Таким образом, ни коммуникативный, ни романтический сценарий не исчезает. Но последний рационализируется и превращается в определенную фазу жизни: не вся жизнь рассказывается через перипетии «страсти», а выделяется определенный этап, когда идет выбор, поиск. С одной стороны, сохраняется гендерное неравенство, с другой – новая либеральная сексуальность предполагает большие, чем прежде, риски, и, соответственно, рефлексивность становится все более важной.

Это подтверждается в моем последнем по времени исследовании, в котором опрашиваются врачи-гинекологи и акушеры: людям стали доступны средства контрацепции последнего поколения, врачи объясняют, как ими пользоваться. Это изменение выходит за пределы медицины, меняя поведение, хотя официальная сексуальная политика лицемерно не замечает этого и противодействует не только сексуальному образованию, планированию семьи, но и представлениям о сексуальности как планируемой, управляемой, более безопасной.

Замечу в этой связи, что благодаря недавней истории с сексуальными домогательствами в России стало, например, понятно, что сексуальная революция, действительно, была ценностью для позднесоветского поколения. Речь идет о том, что через либерализацию сексуальности люди приобрели и освоили своего рода нишу интимной, романтической, сексуальной жизни, в которой они смогли дистанцироваться по отношению к государству. Это стало ценностью как для мужчин, так и для женщин. Однако и в новой ценностной системе женщина была объектом.

Поэтому при отсутствии серьезной работы по изменению гендерных стереотипов и при невлиятельности феминизма сохраняется представление о «правильной» мужественности – наступательной, инициативной и агрессивной. В позднесоветском поколении такая мужественность считается нормативной.

В то же время молодые женщины уже себя не чувствуют сексуальными объектами, возникает гораздо более сложная субъектно-объектная система, но эти изменения выпадают из сферы публичного.

Я бы сказала так: особенности российской сексуальной революции обнаруживаются в ситуации с сексуальными домогательствами в России. И это определяет специфику, которая сильно отличает реакцию нашего общества и

западного: когда депутат ГД РФ, как и большинство, считает, что «правильная» женская идентичность – это когда женщину хотят все окружающие мужчины, а для мужчины «правильно» – хотеть всех окружающих женщин. И поведение депутата ГД РФ, обвиненного в сексуальных домогательствах, но признающего свою правоту, не осуждается. Хотя у нас тоже происходят изменения двойного гендерного стандарта, он остается распространенным и укорененным.

Большевицкая сексуальная революция: взгляд историка и дискуссия

Ольга Здравомыслова, Горбачев-Фонд. Используя понятие «сексуальная революция», надо иметь в виду, что оно имеет, по крайней мере, два значения. С одной стороны, это процесс, у которого есть известное определение, воспроизведенное И. С. Коном: длительный дискурсивный процесс отделения сексуальности от репродукции. В основе здесь лежит рост индивидуализации, а также секуляризации и автономизации. Ценность автономии, понимание индивидом своих границ и границ Другого – чрезвычайно важны: это, собственно, и делает устойчивыми изменения, достигнутые сексуальной революцией.

Однако сексуальная революция – это еще и историческое событие, которое случается не в любом обществе. Тем не менее, оно произошло на Западе. Произошло оно и в России.

Событие под названием «сексуальная революция в России» связано с конкретным периодом Русской революции, с 1917–1923 годами. Сексуальной революцией считается предпринятая тогда большевиками, взявшими власть, попытка «изменения русского семейного и брачного порядка» (именно так определяли это современники). Речь шла о глубоком перевороте, который они начали осуществлять и который, как они считали, имел не меньшее значение для общества, чем политическая революция.

Словосочетание «сексуальная революция» было произнесено именно тогда и именно в России. Существует почти неизвестная у нас, не переведенная на русский язык работа Григория Абрамовича Баткиса, которую мне удалось прочитать, когда журнал «Демографическое обозрение» заказал мне текст, посвященный Баткису как автору брошюры «Сексуальная революция в России» (1923), переведенной на немецкий язык и опубликованной в Германии в 30-е годы. Известно, что эта брошюра послужила одним из источников для написания знаменитой работы Вильгельма Райха «Сексуальная революция», после чего сам этот термин вошел в оборот.

Важно сразу подчеркнуть, что как Баткис, излагавший идеологию и сексуальную политику большевиков, так и Райх, вкладывали в понятие «сексуальная революция» не тот смысл, какой вкладывают в него современные исследователи. Современный подход был достаточно полно представлен в предыдущем докладе Анной Темкиной.

У большевиков речь шла о революции законов, которые (в терминологии того времени) проводятся революционной властью и осуществляют волю вождей революции. Эти законы, направленные, прежде всего, на изменение роли женщины в семье и обществе, меняют базис отношений между мужчиной и женщиной в направлении законодательного закрепления равенства полов.

В большевицком понимании, сексуальная революция совпадает с принятием трех важнейших законов: Декретов советской власти «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния» (1917), «О разводе» (1917) и Кодекса законов об актах гражданского состояния,

брачном, семейном и опекуном праве РСФСР (1918) – первого советского семейного кодекса.

Не буду останавливаться на текстах законов (хотя сам язык здесь, безусловно, важен и интересен для анализа). Главное в них – во-первых, идея секуляризации, отделение брака и семьи от церкви, отмена религиозных основ брака. Во-вторых, отказ от патриархальной семьи, основанной на деспотической власти мужчины над женщиной и детьми.

Большевики это сделали, и иначе, как революцией, этот переворот назвать невозможно. Новый свод законов, отменявших семейно-брачное законодательство Российской империи, заложил основы для новых отношений между мужчиной и женщиной, семьей и государством, между женщиной и государством.

Итак, большевики считали и называли сексуальной революцией переворот в сфере законодательства о семье и гендерных отношениях. Обращаясь к столь важной сейчас теме, как политизация гендера, надо иметь в виду, что начало этому процессу было положено большевистской революцией. Впоследствии преобразования в сфере гендерных отношений, семьи и сексуальности стали одним из ключевых пунктов политики большевистской партии.

Можно выделить несколько «ответов» на этот вызов со стороны современников Октябрьской революции.

Как оказалось, самым мощным ответом со стороны общества было неприятие сексуальной революции большевиков и сопротивление глубоко патриархального по своим взглядам и привычкам российского населения, не готового к изменениям, не понимавшего их – по сути, враждебного им.

Излишне говорить, что большевиков это не смущало, поскольку важнейшей частью их идеологической и политической программы было осуществление грандиозного проекта построения нового мира и создания нового человека. Надо сказать, что среди большевиков были и те, которые рано или поздно осознали, что они столкнулись с обществом, которое это не принимало, и что они не справились с этим населением. Точнее других это сформулировал Троцкий. Он писал, что большевики хотели кавалерийским наскоком взять патриархальную семью, но этого не получилось, потому что не бывает равенства на основе обобщенной нужды.

Известно, что в начале 20-х годов в большевистской среде шли дискуссии об идеологии и политике сексуальной революции. В этой дискуссии определились две разных позиции. Одну представляла Александра Коллонтай, другую – Арон Залкинд.

Сейчас, с легкой руки СМИ, их взгляды излагают, скорее, карикатурно. Но если внимательно и непредвзято прочесть Коллонтай, хотя бы ее самую известную работу «Дорогу крылатому Эросу! Письмо к трудящейся молодежи» (1923), где Коллонтай проповедует идеал личных отношений, лишенных экономической и любой другой зависимости, нельзя не заметить, что это предвосхищает понимание процессов демократизации семьи и трансформации интимности, возникшее в последней трети XX века, и современную дискуссию.

Залкинд, в отличие от Коллонтай, разрабатывал доктрину авторитарного регулирования сексуальности. В «Двенадцати половых заповедях революционного пролетариата» (1924) он пропагандировал подчинение сексуальности задаче «роста коллективистических чувств» в интересах «классовой организованности, производственно-творческой активности» пролетариата. И.С. Кон доказывал, что позиция Залкинда оказалась наиболее

близкой советской власти, которая в той или иной степени воспроизводила ее в идеологии и сексуальной политике.

Однако нельзя игнорировать то, на что обращали внимание современники, проводившие исследования в 20-е годы: новые нормы в какой-то мере воспринимались населением, особенно это было заметно среди молодежи. Например, в начале 20-х годов в России снизился уровень проституции, появилась тенденция развития партнерских отношений между мужчиной и женщиной. Но эти новые нормы не были устойчивыми, и они очевидно конфликтовали с прежним, укорененным гендерным порядком. В итоге ситуация была хаотичной, а население – дезориентированным. Некоторым «творцам» сексуальной революции становилось ясно, что законы – это слишком мало, это только рамка, а требуется культурная революция, без которой сексуальная революция не может осуществиться.

Один из самых известных консервативных критиков того периода Питирим Сорокин, опираясь на статистические и социологические данные, выступил с предупреждением о стремительной девальвации института брака и деградации морального состояния общества. Основываясь на своих наблюдениях начала 20-х годов, Питирим Сорокин сделал выводы, которые он страстно защищал до конца своей жизни: об опасности для устойчивости общества сексуальной революции и сексуальной либерализации, о значении гендерного порядка, поддерживающего традиционную семью, брак и сексуальность, для преодоления «хаоса», в который ввергает общество революция. В своем неприятии модернизации семьи и гендерных отношений Сорокин зашел так далеко, что его, кажется, нисколько не смущали репрессивные законы и практики, регулирующие семью и сексуальность, которые были введены в СССР в 30-е годы.

Я считаю, что в советской России довоенного времени выделяются два этапа революционной трансформации гендерных отношений, семьи и сексуальности. Первый – собственно сексуальная революция, или большевистский натиск на патриархальную семью в том ее виде, в каком она существовала в царской России. Второй этап – сексуальная контрреволюция, которая была проведена в сталинском СССР в 30-е годы также с помощью законов.

Результатом этого сложного, революционного по своей сути, процесса было установление особого, этатистского (по определению Е. Здравомысловой и А. Темкиной), гендерного порядка, или «советского патриархата». Базовыми в нем были новая роль и новый социальный статус женщины как работающей матери. Таким образом, произошло соединение традиционного представления о «естественном» предназначении женщины и представления о «равноправной» женщине – матери и труженице, выполняющей обязанности по рождению, воспитанию детей и работе на благо советского государства. То, что эта роль и этот статус женщины, определявшие для нее все в советскую эпоху, остаются базовыми сейчас, в России XXI века, говорит о том, что большевистская сексуальная революция, соединившая в себе элементы гендерной, семейной и собственно сексуальной революции, не закончена.

Об этом свидетельствует и отношение к большевистскому эксперименту, которое сформировалось в России сейчас, через 100 лет после Октябрьской революции. Похоже, современные исследователи недооценивают опыт современников этого эксперимента, наиболее внимательные и проницательные из которых, наблюдая развитие процесса, фиксировали постепенный отход от

законов, гарантировавших свободу, к постепенному подчинению личности и семьи воле тоталитарной власти.

Вердикт о большевистской сексуальной революции, вынесенный И.С. Коном и ставший более или менее общепринятой точкой зрения среди современных российских исследователей, гласит, что большевики с самого начала не ставили иной цели кроме полного подчинения населения железной воле власти и «законам коммунизма»: с самого начала большевики думали не об освобождении – силой заталкивая тогдашнее общество в тоталитарный порядок, который они установили.

Вместе с тем, несомненно, первый натиск революции, серия законов, принятых в первые годы советской власти, значили для российского общества чрезвычайно много. Что бы ни происходило потом, это начало – точка, к которой можно адресоваться, говоря о демократизации гендерных отношений и либерализации сексуальности. Так, доказано, что либерализация советского семейного законодательства, которая началась в брежневские времена, возрождала дух законов, принятых в самом начале советской власти и отвергнутых в 30-е годы. А в 90-е годы знаменитая 7-я статья Конституции, в которой впервые прозвучала мысль о равной значимости материнства и отцовства, – почти цитата из Кодекса законов о семье, который был принят большевиками.

Иначе говоря, событие сексуальной революции, как оно выглядело в начале 20-х годов, остается важным ресурсом либерализации семейного и гендерного законодательства и дискуссии о либерализации сексуальности и демократизации гендерных отношений.

Однако пока этот ресурс почти полностью дискредитирован. К доминирующему в академическом сообществе мнению о том, что сексуальная революция большевиков – только логический шаг в постепенном установлении государством тоталитарного контроля над личностью, примыкает и точка зрения власти, согласно которой «социальные эксперименты 1917–1920 годов» представляют собой сознательное разрушение семьи – «одного из оплотов самодержавия» – и «связей между браком, религией и церковью» через узаконивание «фактического» брака (Концепция государственной семейной политики, 2013).

Очевидно, что отторжение, полная девальвация и дискредитация всего, что было сделано в период 1917–1920 годов, является важным элементом идеологии консервативного поворота, начало которого, как считается, можно датировать 2006 годом.

Очевидно также, что в неприятии события сексуальной революции, которое произошло в 1917-м – начале 1920-х годов, сходятся либеральные исследователи и консервативная власть. Заодно мы отказываемся и от отечественных традиций женской эмансипации и эмансипации сексуальности, питающих русскую культуру и общественную жизнь, по крайней мере, с середины XIX века.

Отвергнув эту линию и сведя опыт сексуальной революции в России 20-х к тоталитарному эксперименту, можно лишиться важного культурного ресурса критики и противодействия консервативному повороту. На наших глазах он осуществляется методами насилия над обществом, которые «рифмуются» с не слишком отдаленным прошлым, когда кавалерийским наскоком вводились «законы свободы». Теперь, похоже, волевым способом пытаются ввести

«консервативные» законы, представляя патриархальную семью в качестве идеала и мечтая о воспроизведении традиционного гендерного порядка.

Анна Темкина. Мне нравится тезис, что это была революция по некоторым критериям – по которым она была революцией. Но мне не хватает здесь аргумента о том, как соотносилось с этим решение узлового вопроса изменения интимной жизни. Потому что, собственно говоря, все эти три закона – об изменении, говоря современным языком, гендерной системы, а не сексуальности как таковой.

А сексуальность в принципе не напрямую подчиняется закону о гендерных отношениях. Можно разрушить патриархальную семью, но сексуальность останется такой, какой она была.

В этом смысле, у меня такое ощущение, что законы касались, скорее, гендерных отношений, а то, что касалось интимной сферы – это была Коллонтай. Это была идеология? Да. Они связаны, конечно, безусловно.

Такой вопрос: как соотносятся уровень именно сексуальности и регулирование семьи. Понятно, что они друг с другом связаны. Но все-таки, мне кажется, что из этих законов напрямую сексуальная революция не следует.

Ольга Здравомыслова. Дело в том, что это название, «сексуальная революция», принадлежит ее современникам, и я сразу сказала, что их понимание и современное понимание различны. У них «сексуальная революция» включает в себя семейную революцию, гендерную и сексуальную. Сексуальная революция в более близком нам понимании, трансформация сексуальности на уровне идеологии, представлена была очень небольшой частью большевиков, понимавших важность этого. Безусловно, они атаковали институт патриархальной семьи. Но у них это было все в одном комплексе.

Другое дело, что изменение законодательства, прежде всего переворот в институте семьи и в положении женщины, повлияли на сексуальность, повлияли и в то время. Это было очевидно. И вопрос не только в идеологии, которую представляла Коллонтай, но и в эмпирических свидетельствах того времени, тенденциях изменения сексуальности, которые происходили уже тогда.

Любовь Борусяк. На мой взгляд, это была прежде всего антисемейная революция. Но начать хочется немножко с более раннего времени. Все начало XX века предреволюционное. Это период сильного увлечения фрейдистскими идеями. Пришла проблема пола, появилось множество модных романов, огромное количество литературы, начались эксперименты, в которых участвовала элита тогдашнего русского общества.

На мой взгляд, в период революции произошло очень странное соединение политики и идеологии. Потому что политика была понятная: буржуазную семью надо разрушить. А что касается сексуальности, то рассуждения о проблеме пола шли из элитарных кругов. В то же время в подшивках газет за 1926–1928 годы – данные о чудовищной эпидемии венерических заболеваний как последствия разрушения норм сексуального поведения. Там буквально, как сводки с фронтов: в губернии такой-то 150 тысяч заболевших гонореей и сифилисом. Все отчитывались и не знали, что делать с этим, скажем так, «крылатым Эросом». Отчасти, может быть, вынуждены были крылья ему подрезать...

Ольга Здравомыслова. Нельзя все-таки проводить прямую линию между «крылатым Эросом» Коллонтай и ростом числа больных венерическими болезнями в революционной России. Это разные явления, у них нет единственной общей причины.

С.И. Голод назвал период 20-х годов дионисийством. Конечно, учитывая время – Первая мировая война, гражданская война, – когда люди теряли представление о том, что есть норма, что есть не норма. Это, безусловно, был хаос. И все равно, двигаться дальше можно было разными путями. По крайней мере, какое-то пространство для маневра существовало. И тот исторический путь, который был начертан в результате, не являлся единственным и неизбежным. Поэтому так интересно и, я бы сказала, полезно для потомков анализировать то, как шаг за шагом большевики все сильнее сужали возможность выбора и в результате нашли единственный способ победить стихию – которую они, в конечном счете, не победили, но на какое-то время сковали железными рамками репрессивных законов и государственного насилия.

Елена Ярская-Смирнова. Информация об эпидемии венерических заболеваний – это, своего рода, дискурсивный поворот, потому что это было выявлено и об этом сказали публично. Вообще говоря, распространенность венерических заболеваний раньше не отслеживалась так подробно и тем более, не обсуждалась публично. Она была высокой не только и не столько в городах, сколько в сельской местности.

Я ездила в киноархив, смотрела демографические фильмы конца 20-х годов о том, как немецкие врачи вместе с советскими врачами выявляли огромное количество заболевших сифилисом и лечили их. В основном, эти заболевания – не половым путем, а бытовым. Отсутствие гигиены играло здесь первоочередную роль.

Ольга Здравомыслова. Спасибо, Елена, за это дополнение и уточнение. Я только хотела бы подчеркнуть, что, несмотря на хаос, который царил тогда в головах и частично в поведении, образ вакханалии, которая разыгралась в 20-е годы, существенно преувеличен. Но сейчас он используется очень широко, и если посмотреть, что писалось в связи со столетием Русской революции о сексуальной политике большевиков, то это, прежде всего: общество «Долой стыд!», «разгул» венерических заболеваний, коммуны «вместо» семьи, «указы» об обобществлении женщин в разных губерниях и т.д. и т.п. Журналисты считают, что именно такой материал привлекает сейчас публику, но исследователи не могут принять эту информацию на веру и делать выводы, основываясь на ней.

Дискурс гендерного равенства в контексте культурной модернизации: последствия 1968 года

Йенс Зигерт, руководитель программы Общественная дипломатия. Наверное, нужно начать с того, что я не исследователь и не социолог. Я не столько буду говорить о сексуальной революции, и тем более не о сексуальной революции в России, сколько о значительном ускорении социокультурных изменений, которые связываются сегодня с понятием «68-й год». Конечно, речь идет о 68-м годе как кульминации процесса социально-культурных изменений на западе и востоке Европы – когда что-то изменилось настолько, что уже невозможно было повернуть назад.

Хотелось бы начать с высказывания известного политолога Ивана Крастева, написавшего о напряжениях, которые выросли внутри сегодняшнего европейского Запада, или ЕС и которые Крастев прямо связывает с символическим годом – 68-м. Он попытался это показать на примере

разделенной Германии и заметил, что западные немцы в 68-м году стали более космополитическими, восточные – более мнительными и недоверчивыми.

Действительно, 68-й год в прямом смысле усилил разные векторы развития общества на западе Европы и на востоке Европы (имея в виду социалистические страны Центральной и Восточной Европы).

Потом произошли изменения, Перестройка, социалистический блок развалился. И с тех пор долгое время эти различия были скрыты за фасадом осмысления произошедших изменений и адаптации людей к новой жизни. Но в 1989-м году (цитирую Крастева) началась некая эра имитации. Тогда от восточноевропейских обществ, которые «освобождались от коммунизма», ожидалось, что они будут имитировать институты, быт, поведение и ценности тогдашнего Запада. И по поводу этого существовало, в принципе, согласие внутри самих восточноевропейских и средневропейских обществ.

Последние 25 лет между старым Западом и частично новым Западом, конечно, существовали асимметричные отношения. И постепенно не только в России и бывшем Советском Союзе, но и в восточноевропейских, средневропейских, центральноевропейских странах, начались процессы, которые, как очень долго было принято думать, считались реакцией людей, которые проиграли в процессе посткоммунистической трансформации. Так в России думают очень многие. Однако поляки, например, очень успешно трансформировались и трансформируются, по крайней мере, в экономическом смысле. И все равно, скептическое отношение к ЕС у них выражено очень сильно.

Люди в этих обществах не говорят сейчас: мы не хотим быть европейцами. Но они говорят: не только вы, на западе Европы, но и мы, на востоке Европы, знаем, что такое европейцы. В отличие от этого, российская реакция другая: мы не хотим быть европейцами, потому что вы решаете, что такое быть европейцами. Структурно эти реакции очень похожи.

В 89-м и 90-м годах в Восточной Европе и в Советском Союзе шел процесс самоосвобождения. Тогда у Восточной Европы и у России была однозначная цель: одни (Восточная Европа) хотели выиграть, другие (Россия) хотели стать частью Запада, каким он был до Второй мировой войны. Внутри этих целей есть два главных обещания: первое – свобода, второе – экономическое и социальное благополучие. Оба эти обещания – и свобода, и благополучие – имеют предпосылки и побочные эффекты.

То, с чем мы сегодня сталкиваемся, – побочные эффекты, которые очень сильно связаны с 68-м годом. Как раз на этом я хочу становиться. Старый Запад в 60-е годы или в 68-м году пошел на ускоренный режим модернизации. Она не была только экономическая, или социальная, или сексуальная, или культурная. Все эти виды модернизации взаимосвязаны. Но советский социалистический Восток не был в состоянии следовать за модернизационным прорывом Запада. Впоследствии восток Европы отстал двояко. Я понимаю это как аргумент по сути и как моральное суждение. На капиталистическом Западе происходило огромное ускорение социальной революции, в результате чего изменились, во-первых, отношения между государством и индивидуумом, во-вторых, отношения между женщинами и мужчинами. Эти отношения принципиально начинали меняться.

Этот опыт 68-го года имеет два ракурса, которые связаны с Западом и Востоком. И то, что люди на Западе смогли добиться ускорения, демократизации и получить больше свободы, произошло только за счет того, что они уже жили

в гораздо более демократическом государстве и обществе, чем они сами предполагали и утверждали.

На востоке Европы было как раз наоборот. Тут была очень демократическая идеология, эти общества не были в точном смысле посттоталитарными.

Но 68-й год – это еще время мужчин. В Германии феминистское движение, связанное с 68-м годом, начиналось тем, что одна женщина на большой общегерманской конференции в 68-м году бросала помидоры на подиум, исключительно на мужской пол...

Но, говоря о различиях востока и запада Европы, я бы остановился не на изменении положения женщин, а на мужчинах. Потому что здесь кроется самое главное различие, которое я сегодня вижу, между западным и российским обществами. То, что женщина из объекта стала субъектом, произошло на Западе в большей степени. Но на востоке Европы и в России тоже произошло очень сильное и заметное изменение женской роли.

А проблема заключается в том, что на востоке Европы и в России мужчины почти не изменились. Напротив, на Западе они изменились очень сильно. Вынужденно, не очень добровольно, но они изменились. И это довольно новое явление на Западе, которое связано и с новым поколением мужчин. Если посмотреть на героев 68-го года, поведение этих мужчин было еще очень традиционным. Сейчас это уже далеко не так. Что же касается России, то рекомендую прочесть своего рода программную статью Владислава Суркова «Валентинка в багровых тонах». О чем говорит в ней этот известный автор?

Он говорит, что Запад деградирует, и показателем этого является то, что у власти там находятся женщины. Потому что женщины всегда идут во власть во времена упадка: «Политические системы призывают женщин, когда выдыхаются после бурного роста и достигают в своем развитии поздней, терминальной стадии». Но, утверждает Сурков, мужчины более умные, и потому, когда все разваливается, они отступают в тень, чтобы обдумать то, что будет потом: мужчины «заняты настоящим мужским делом – изобретают и конструируют новую реальность, пока их спутницы управляют устаревшей. Женщинам они передали то, что сочли бесполезным – руль выработавшей ресурс, сломанной политической машины, которая уже не едет и не везет». Очень показательная статья. Рекомендую к прочтению. Потому что эта статья ясно показывает, какие причудливые построения способен произвести ум, когда он, несмотря ни на что, продолжает сопротивляться очевидным изменениям.

Что значит быть хорошим отцом? Гендерные отношения в период позднего социализма

Хелен Карлбак (Helene Carlbäck), Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований, Университет Сёдерторн. То, чем я занимаюсь, относится к разным сферам: истории семьи, истории гендерных отношений, истории эмоций. И я продолжу начавшийся в предыдущих докладах разговор о гендерных отношениях – не о сексуальности.

Начну с цитаты. «Сколько прекрасных строчек поэзии мы уже читали, которые прославляют мать и святую материнскую любовь. А что касается отцов, мало строчек написано об отцовстве с эмоциями. Это позор. Поскольку отец имеет специфическую роль в жизни семьи».

Так было написано в журнале «Семья и школа» в начале 60-х годов.

Исследование, которое я провела, охватывает период с 60-х годов до конца советского времени, и оно посвящено представлениям об отцовстве и практиках отцовства в позднесоветский период в России, 1960–1989 годы. В качестве теоретической основы исследования я использую научную литературу о господствующих дискурсах о маскулинности и отцовстве во второй половине 20-го века, написанную в течение последних трех десятилетий. Эти дискурсы я применила как аналитические инструменты в исследовании текстов, опубликованных в журнале «Семья и школа. Журнал для родителей», а также в анализе результатов одиннадцати глубинных интервью с российскими мужчинами. Интервью были посвящены опыту отцовства в 1960–1980-е годы. Главные вопросы моего исследования таковы:

Каким был идеальный опыт отцовства в этот период? О каких практиках вспоминают интервьюируемые и как соотносятся эти практики отцовства с представлениями и идеалами, существовавшими в тот период в официальном/публичном пространстве? Существовали ли различия между тем, как идеалы и практики отцовства были представлены в официальном дискурсе и воспоминаниях мужчин?

Нарративы отцов представляют собой довольно многообразную картину, в которой прямое отражение официального дискурса сочетается с идеалами и практиками, которые существенно отличаются от официально-принятых.

Кроме того, мое исследование ставило целью сопоставление собранного российского материала с результатами исследования отцовства на Западе. В частности, я рассматриваю вопрос о том, в какой мере можно говорить о существенном отличии отцовства в России от отцовства в странах Западе. Правильно ли говорить о том, что советский отец являлся маргинальной фигурой и что матери в одиночку, с помощью бабушек, несли всю ответственность за воспитание детей (как утверждают некоторые исследователи советской «модели отцовства»)?

Несомненно, на протяжении того периода времени, который находится в фокусе моего исследования, представители, особенно более молодого, поколения отцов играли важную роль, освобождая семью и, прежде всего, работающую женщину от многих домашних обязанностей и облегчая таким образом бремя двойной занятости.

При этом многие исследователи советской России продолжали доказывать, что мужчины оказывались «ненужными», «излишними» и даже «нежелательными» членами семьи, в которой центральной фигурой была мать и часто бабушка. Однако собранные мною интервью подвергают сомнению такие упрощенные представления. Они показывают, в частности, что мужчины проводили дома значительную часть своего времени и многие из них уделяли довольно значительную часть своего времени детям. Те мужчины, которые этого не делали, чаще всего объясняли это необходимостью много находиться на работе.

В то же время необходимо признать, что мужчины, которых я интервьюировала, являлись представителями среднего класса и состояли в устойчивом браке. Я не рассматривала, например, случаи развода, отказа от выплаты алиментов на детей, или отсутствия готовности к равной доле ответственности за воспитание детей от первого брака, или случаи, когда отцы бросили своих детей после развода ради детей в новой семье. Несомненно, в этих случаях рассказы отцов могут выглядеть совсем по-другому.

Ольга Здравомыслова. Пытались ли вы разработать типологию отцовства в позднесоветской семье? Если проведено одиннадцать глубинных интервью, то можно говорить об определенных типажах. Так, недавно было проведено исследование в Высшей школе экономики. В нем опрашивались отцы в семьях не среднего, а рабочего класса. И исследователи выделили три варианта роли отца: вовлеченный отец, отстраненный отец, инфантилизованный отец. Оказалось, что вовлеченный отец – это самый редкий тип. Разумеется, это надо проверять, но в России по-прежнему не так много исследований, сфокусированных на роли отца в семье и ее изменениях. Мне кажется, что картина, которую вы представили здесь, более оптимистическая, чем показывали советские и показывают сейчас российские исследования.

Helene Carlbäck. Я всегда имею в виду вопрос о том, насколько отличалась, скажем, советская Россия, социалистический Восток – от Запада. И это, может быть, подталкивает меня к тому, что вы чувствуете как оптимизм. Но поведение советских отцов менялось в 60-е, 70-е, 80-е годы.

В своих статьях я об этом пишу. И я хочу заметить в заключение, что в сравнении с отцами в Швеции, российские мужчины-отцы больше идеализируют семью и меньше позволяют критики в адрес собственных отцов. Это вообще, наверное, свойственно российским традициям, где нет такого индивидуализма, какой традиционно существовал в Швеции. Когда читаешь исследования о шведских мужчинах, очевидно, что они относятся к своим отцам гораздо более критично, чем в России. Было бы интересно сделать такое сравнительное исследование на современном материале России и Швеции.

Сексуальность и репродукция: мужской и женский взгляды

Ольга Исупова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Исследователи, сравнивающие архаичные культуры и атомизированные, показывают, что в современных культурах репродуктивные решения гораздо больше зависят от женщин, чем от мужчин.

Соответственно, когда возникает бесплодие, мужчина не хочет об этом говорить, не хочет даже думать. Если он узнает, что бесплодие связано с ним, то начинает считать, что плохо выполняет сексуальную функцию. И что все будут думать именно так... Поэтому об этом он должен молчать. Это тоже контроль над эмоциями, над проблемами. Но в результате проблему должна решать, конечно, женщина. Она имеет право страдать, показывать свои эмоции больше, чем мужчина.

Характерны случаи, когда пара жила бесплодно долго, всю жизнь, а под старость мужчина женщине говорит: «Все-таки, я считаю, ты должна была что-то с этим сделать». Хотя, когда много лет назад они пошли обследоваться, оказалось, что только у него проблемы. Но он говорит: «ты должна была что-то с этим делать, и так, чтобы я не знал»...

Приведу цитату из моего исследования на тему о том, как принимается решение в семье, и о том, применять эффективные технологии или нет. И, соответственно, о том, что делает женщина, когда у нее и мужчины различные взгляды на этот вопрос. Цитата из интервью: «...И операция по ЭКО. Очень хотелось ребенка. Справки все собрали, анализы сдали, даже квоту получили. Муж все время подбадривал меня». То есть это такая... роль – все для женщины. «Говорил, что все будет... будет долгожданный ребенок. Вместе таскались по больничкам. Мне сделали укол, после которого яичники не работают. Дальше

назначили стимуляцию. Сказали, что мужу нужно все анализы сдавать. То есть он до сих пор не сдал, а по протоколу должен был сдать гораздо раньше. А он испугался и передумал. И отказывается во всем, порвал все направления к врачу. Испугался, что финансово не потянет. Хотя я ему твержу, что деньги — не главное, а просто стимул. Теперь у меня руки совсем опустились. Жизнь не хочу с этим человеком вообще».

Существует классическая ситуация, когда беременность уже есть и решается вопрос о том, рожать ребенка или делать аборт. Женщина сообщает, что она беременна. Мужчина может поддержать ее, а может сказать: ну, это твои личные проблемы, решай сама. Или он может сказать: вот деньги — иди, делай аборт.

Что такое репродуктивное решение, как долго оно длится? Как это связано с сексуальностью, с тем, что это фактически сексуальность уже отделена от репродукции? На интернет-форумах об этом пишут только женщины. Что при этом думают мужчины? Может быть, они думают, что это продолжение сексуальной жизни — и все. И нет никакой ответственности, пока нет ребенка. Когда я интервьюировала мужчин, они — хорошие, нормальные отцы — часто говорили: я понимаю, что этой мой ребенок, когда он уже есть, когда я взял его на руки. А все, что было до этого, — это еще сексуальная жизнь — в частности, все эти ситуации с уколами, деньгами и справками.

Женщины считают, что у них есть преимущественное право решать, что ребенок должен появиться на свет, — это показывают все интервью. Женщина, состоящая в браке, говорит: «...если у нас нет детей, то для чего я вообще веду хозяйство, ублажаю родственников мужа? Я не мечтала всем этим заниматься. Это все нужно только тогда, когда у нас будут дети».

Другая респондентка рассуждает: «...ребенок останется навсегда, мужа — переменная величина. Если вы решили, что хотите стать мамой, то нужно к этому идти несмотря ни на что. Он мне не муж, мы не расписаны, десять лет вместе живем. Сначала не предохранялись, но потом, когда я стала понимать, что... не получится забеременеть, решила на ЭКО, даже спермограмму сдали. Но потом он динамо включил, а после конкретного разговора отказался во всем этом участвовать. Ему 38 (лет), видите ли, уже поздно. Начался подбор доноров спермы, естественно, не анонимных. Не понимаю тех девочек, которые даже видеть их не хотят. Как исходник не посмотреть, гены важны...».

У этой респондентки в итоге оказалось все не так плохо: достаточное количество мужчин готовы были помогать в этом нелегком деле. Один очень ей понравился, дважды она с ним попробовала ЭКО. Ничего, к сожалению, не получилось. Уже три раза она делала ЭКО, ничего не рассказывая своему партнеру, с которым продолжает жить. Нельзя сказать, что это в чистом виде обман. Она просто делает то, что она хочет. А потом она ему расскажет, как говорит, и дальше он будет решать: оставаться ему или уходить. Ее логика: ты сам не захотел участвовать в проекте, и я решила делать то, что я хочу.

Возникает несколько измерений: сексуальность, экономическая составляющая (кто кому дает деньги, а кто ведет хозяйство), дети (каким образом они должны появляться и как, кто принимает решение). Но главное — женщины уверены в своем абсолютном преимущественном праве решать вопрос: быть или не быть ребенку.

Случается и противоположная ситуация — когда муж настаивает на ребенке, но не получается, и надо делать ЭКО. Жена говорит: почему я должна делать ЭКО ради тебя? Мне это не нужно, я не хочу калечить свой организм.

Ее можно понять, потому что, действительно, это небезвредно. Но главное то, что мужчины в каких-то ситуациях начинают приходить к мысли, что нужно принимать репродуктивные решения совместно.

Важность репродуктивных решений и способов их принятия связана с тем, что для женщин и, как правило, для мужчин базовый контракт брака – это дети, без которых брак теряет смысл. Если мужчина не хочет иметь детей, женщина рассматривает это как обман, мошенничество, даже как предательство. Поэтому женщины готовы на обслуживающую, традиционную женскую роль только при наличии ребенка (детей). Они воспринимают свою роль в браке не как традиционный долг, а как результат отношений обмена, договоренности. Поэтому, например, если женщина-домохозяйка слышит от мужа что «денег нет», она отвечает: «меня это не касается». Потому что приносить деньги в семью – это не ее, а его (мужчины) обязанность в браке.

Новое «открытие» сексуальности в постсоветской России

Юлия Градскова. Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований, Университет Сёдерторн (Швеция). Прежде всего, важно подчеркнуть, что сексуальность оказалась политизированной именно в 60-е годы в Западной Европе, и в каждой стране это было по-разному. То есть я бы не рискнула даже говорить о чем-то общем. Хотя есть немало публикаций, которые сравнивают разные европейские страны: есть требования свободной любви, права однополых пар. И, одновременно с требованием изменения сексуальной морали, нередко те же авторы требовали социальной справедливости в целом, или выражали солидарность с народом Чили, или выступали против апартеида в Южной Африке. Эти молодежные движения требовали изменения общественных институтов, законодательства, культурных практик в странах Западной Европы.

Любая попытка говорить о сексуальной революции на Западе в целом, в отрыве от обсуждения политической атмосферы, социальных движений 68-го года представляется существенным упрощением. А влияние событий 68-го ощущается до сих пор.

Если говорить про Швецию, то сексуальная революция в ней, как считают некоторые историки, началась намного раньше 68-го года. Можно сказать, что еще с 30-х годов – с распространения сексуального просвещения или с формирования организаций, защищавших права сексуальных меньшинств в 50-е годы.

Другие исследователи утверждают, что сексуальные нормы в представлении шведского общества претерпели существенное изменение именно в период 60-х, когда происходила либерализация цензуры в кино и становились общепринятыми кинематографические презентации различных направлений сексуальности. Это стало возможным в результате поддержки изменений как представителями крупных партий – либеральной и социал-демократической, так и кинематографистами и вообще деятелями культуры. Отмечается широкое распространение публикаций, которые пропагандировали обсуждение проблемы стыда в семейной жизни, супружеской жизни, в сексуальных отношениях.

Можно отметить исследование представлений о женской эмансипации на примере движения, утверждавшего новое самосознание женщины, идентифицирующей себя как лесбиянка (1975). Это тоже часть событий 60-х

годов. Движение было направлено против того, что лесбиянки оказывались невидимыми. Доминировало мужское движение в организации защиты сексуальных меньшинств.

Сексуальная революция 68-го года развивалась в контексте критики политической системы, появления новой формы повседневного общения, роста сознания. И очень часто это было связано с совместным проживанием. То есть с формой коллективного проживания – общинами, коллективами. Развивалась критика потребления, пересмотр выполнения домашней работы, ухода за детьми и пересмотр норм замкнутости семейной пары.

Меняется законодательство, вступает в силу Закон об индивидуальном налогообложении в 71-м году, об аборте – в 75-м году, происходит массовая кампания за то, чтобы каждый ребенок посещал детский сад.

Таким образом, изменение норм морали и норм сексуального поведения для мужчин и женщин было переведено в очень широкий контекст требований. Было много социалистических понятий, социалистических лозунгов. Это было очень коллективистское направление.

Перейдем к тому, что происходило в России в 90-е годы. В целях анализа я выделяю три материала: телепередачу «Я сама», первые книги психолога Николая Козлова, который основал клуб «Синтон», и книгу Дарьи Асламовой «Приключения дрянной девчонки».

Телешоу «Я сама», наверное, многие знают и помнят. Если смотреть его выпуски, бросается в глаза, что, в основном, их тема – это, конечно, гетеросексуальные и брачные отношения. Гомосексуальные отношения остаются за рамками передачи.

Само название «Я сама» указывает на то, что в центре внимания – героиня и ее выбор. То есть женщина опять должна менять свое поведение и каким-то образом приспособливаться к новой ситуации. Обсуждается проблема личного выбора, личной ответственности женщин за свою судьбу и счастье. Ведущая, героиня, комментаторы нередко выдвигают моральные суждения. Одна из центральных идей – идея выбора. Вместо жестко прописанных правил поведения – новая мораль, которая оказывается более гибкой и доступной для различных толкований. Например, героиня передачи поднимает тему, что она слишком некрасивая. То есть участницы передачи отличаются от активисток женского движения, например в Швеции, прежде всего, нежеланием говорить об общественных проблемах и тем, что все переводится на индивидуальный уровень, подается в индивидуальном ключе. То, что обсуждается, не является какой-то такой глобальной общественной проблемой, не идет речь о том, что проблему можно как-то серьезно изменить.

Семья как социальный институт не критикуется, а гетеросексуальные нормы не ставятся под вопрос. Мужские роли пересматриваются в гораздо меньшей степени, чем женские. В целом, происходит очень осторожный пересмотр гендерных ролей. И, главным образом, поднимается проблема личной ответственности. Этот подход открывает возможность современного консервативного поворота и пересмотра революции интимности, которая происходила в России 90-х годов.

Психолог становится важной фигурой российской революции интимности. Ведущая телешоу, актриса Юлия Миньшова, ссылаясь на психолога, говорит, что женщины без мужчин ей неинтересны. И, в общем-то, очень легко от рассуждения о личном выборе перейти к обвинению женщины в том, что она совершает неправильный выбор. То есть все замыкается на женщине.

Клуб «Синтон» был достаточно популярен в начале 90-х годов. Он появился еще в 80-е на основе молодежного центра «Маленький принц». Но широкая популярность наступила именно в начале 90-х. В основном посетителями клуба были молодые люди до 30 лет, которые надеялись найти друзей и потенциальных кандидатов для сексуальных и брачных отношений, сориентироваться в изменившихся общественных нормах, найти работу, возможность для дополнительного заработка.

То есть вопросы семьи, сексуальных отношений всегда занимали важное место в работе клуба и во всех публикациях Козлова, которые до сих пор можно купить, по крайней мере, в Интернете, в некоторых книжных магазинах тоже. Книги Козлова критикуют советскую семью, где семейные отношения держатся, скорее, на чувстве долга, чем любви, где сексуальное желание и чувство скрыты за рамками приличий. Козлов призывает освободить сексуальность от стыда и рассматривать семью и сексуальные отношения как объект договоренности и здравого смысла.

Передача «Я сама» исходит из того, что женщины и мужчины гетеросексуальны, но они различаются по своей природе. Именно природные различия определяют коммуникацию в семье. То есть неравенство представляется условием и результатом пересмотра общественной морали. Создание семьи или начало и сохранение партнерских, интимных отношений, поскольку пропагандируется сексуальная свобода, оказывается некоей разновидностью предпринимательства: в конкурентной борьбе выживает та, которая лучше поняла свои интересы.

Первые книги Козлова, по крайней мере, предлагают достаточно широкие возможности. С одной стороны, женщина должна быть матерью, женой, хозяйкой дома, с другой – предполагается, что молодая девушка может пробовать, выбирать разные пути в жизни, в том числе проституцию, если она умеет предохраняться.

Книга Дарьи Асламовой «Приключения дрянной девчонки» переиздана много раз (первый раз издана в 1994 году). Эта книга очень откровенная, это одна из первых откровенных книг о женских сексуальных приключениях. Автор с гордостью описывает завоеванных ею мужчин, публичный праздник по поводу потери девственности и подробности сексуальной близости, в том числе с известными людьми.

Цитата: «Сексуальное влечение, оказывается, не связано с сильными эмоциями и любовью, а представляется средством для достижения других целей». Это очень напоминает многие пассажи из Козлова. При этом нередко в рассказы о сексуальных приключениях вплетаются характерные комментарии: Асламова пишет о «ленивых латиноамериканцах», «якобы угнетенных неграх» и т.д. И все они представляются прежде всего как объекты, которые можно использовать для удовлетворения сексуального желания автора. Активная сексуальность не является чем-то постыдным, по мнению автора, наоборот, это гарантирует ей новую социальную позицию в обществе и является важным средством для приобретения таких товаров, как положение в обществе, известность и респектабельность.

Как представляется, утверждение новой сексуальной морали и чувственности в постсоветской России было непосредственно связано с утверждением различий: между мужчиной и женщиной, между представителями различных классов, наций, – то есть различия были в центре неравенства. И это вело к обесцениванию равенства как важной общественной ценности.

В постсоветской сексуальной революции это проявилось особенно ярко, и это очень серьезно отличается от того, что происходило в 60-х годах в Европе – например, в Швеции, где сексуальная революция развивалась в рамках левого коллективистского проекта и радикальной критики семьи как буржуазного института.

Конечно, надо сравнивать гендерные дискурсы 60-х и 90-х в более широкой перспективе. Можем начинать даже с XIX века. Те же самые идеи, например, о двойной морали, обсуждались и в России, и Швеции во второй половине XIX века и первой половине XX века. Можно сказать, что идеи, которые в 20-е годы обсуждались в России, прозвучали в революциях 1968 года на Западе, в Швеции в частности.

Моей целью было не сравнить буквально 1968-й в Швеции и 1990-й в России, а обратить ваше внимание на то, насколько различалось сочетание дискурсов в Швеции и России и к каким разным результатам это привело.

Ольга Здравомыслова. Вы очень интересно показали то, как происходило открытие сексуальности внутри неолиберального дискурса в России в 90-е годы. Собственно, этот дискурс был доминирующим, и, как мы помним, исследовательницы феминистской ориентации называли 90-е годы «патриархатным ренессансом».

Но я бы не сводила «открытие сексуальности» в 90-е годы только к этой тенденции. Потому что именно в 90-е годы началось возрождение феминистского движения в России, рост независимых женских организаций. Фактически, началось создание женского коллективистского проекта. Кстати, он был даже близок к успешности и, конечно, он тоже влиял на отношение к сексуальности, либерализацию сексуальности, стимулировал дискурсивную сексуальную революцию, о чем говорила в своем докладе Анна Темкина. Это было очень неоднозначное время – возможно, даже более неоднозначное, чем начало 20-х годов. Действительно, в 90-е общество – гораздо более культурное, более развитое и восприимчивое. Но все происходило через конфликт неолиберального представления о свободе и коллективистского проекта – это отразили новые представления о сексуальности.

Юлия Градскова. Поэтому всегда есть проблема с 90-ми. Да, был такой проект «женщина – домохозяйка, мужчина – глава семьи». В сексуальной сфере это, скорее, напоминает революцию, и это позитивно: женщина сама выбирает, сама решает.

Но важно понимать, насколько это ограниченный выбор.

Ольга Здравомыслова. И важно понимать, что основной стала проблема неравенства. Поэтому в 90-е годы в России начинается дискурс гендерного равенства.

Юлия Градскова. Я имею в виду популярные дискурсы.

Ольга Здравомыслова. Это входило и в популярные дискурсы. Потому что именно в 90-е годы был запрос СМИ к российским феминисткам и исследовательницам с приглашением к дискуссии, к просветительской деятельности. С этой точки зрения российская сексуальная революция 90-х годов ждет своего исследования.

Реплика. В середине 90-х я заканчивала школу. Тогда на нас обрушилось большое количество порнофильмов. Были видеозалы в Москве, и все побежали эти фильмы смотреть. Еще не окрепшие люди смотрели и думали, что так и должно быть, что это норма...

Любовь Борусяк. Мне пришлось участвовать несколько лет назад в передаче, посвященной сексуальной революции. Один из ее участников был фотографом, который в 90-е годы сделал огромное количество снимков по заказу, по-моему, англичан или немцев, которые издавали фотоальбом «Русская сексуальная революция». Так вот, в этом альбоме были исключительно фотографии проституток.

Я, конечно, восприняла это как карикатуру на то, что происходило в действительности. И то, что Вы рассказали сейчас, – далеко не весь процесс, с которым связывается сексуальная революция 90-х.

Ольга Здравомыслова. Это аналог тому, что вы говорили про 20-е годы, акцентируя в них исключительно взлет венерических заболеваний. То есть то, что конструируют средства массовой информации, – совершенно отдельная тема.

Реплика. Желтая пресса именно тогда появилась. Помню картинки на первых страницах газет...

Ольга Исупова. Допустим, это все так. Но в начале 80-х, если мы говорим о личном опыте, вокруг меня в студенческой среде то же самое говорилось – без всякой порнографии из газет. Так что процесс начался гораздо раньше.

От запретов к вседозволенности и обратно: отношение к нетрадиционной сексуальности

Елена Онегина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Хотела бы представить то, в каком контексте существует современная негетеросексуальность.

В современной России можно наблюдать агрессивное дискурсивное продвижение консервативной идеологии. На этом фоне в медийном пространстве происходит усиление проблематизации ЛГБТ-сообществ и вопросов гендерной идентичности. Дискурсивно создаются определенные модели «правильного» сексуального поведения, семейной жизни – прежде всего, образ гетеросексуальной и многодетной семьи. Соответственно, формируются моральные паники относительно проявлений сексуальности, которая не вписывается в эту нормативную модель. Такое положение поддерживается законодательно и влияет на повседневную жизнь людей, если она по тем или иным причинам не вписывается в эту модель.

Защита традиционных ценностей становится составной частью политики идентичности. И обсуждения вопросов сексуального образования и гендерного неравенства становятся основанием для конфликтов, которые разделяют современное общество и особенно молодежь.

Вместе с этим демократические ценности, в том числе ценности толерантности и гендерного равенства, рассматриваются на уровне федеральных СМИ как западные, чуждые российскому менталитету и образу жизни, не являющиеся «традиционными русскими ценностями». Эта идеология поддерживается законодательством.

В результате ЛГБТ-молодежь, тем более несовершеннолетняя, становится невидимой группой – как на уровне дискурсов, так и на уровне практик.

В последнее время наблюдается усиление влияния церкви на государственную, публичную политику и на регулирование сферы семейной жизни и сексуальности.

Несмотря на влияние консервативного поворота, в публичном пространстве заметно актуализируются дискуссии о сексуальности, праве на частное, приватное. Эти дискуссии концентрируются в новых медиа, чаще всего в источниках, которые находятся в интернете, на независимых порталах. Журналисты и исследователи регулярно привлекают внимание аудитории к вопросам телесности, сексуальности и нормативности.

Есть некоторый положительный эффект такого «неспокойного» отношения идеологов, пропагандистов и политиков к ЛГБТ, поскольку оно сильно влияет на популяризацию и распространение информации. И если опираться на опросы общественного мнения, то оказывается, что после 2013 года люди стали больше реагировать и отвечать на вопрос, что такое гомосексуальность...

Особенно остро встал вопрос после принятия Государственной Думой статьи 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (2013), дополнившей Кодекс об административных правонарушениях.

Что изменилось с принятием этого закона? Он не применяется для привлечения к административной ответственности как таковой, так как термин «пропаганда» очень широкий, и об этом много уже говорилось. Но закон очень сильно влияет на деятельность активистов, активистских организаций, правозащитных организаций. Так, любая деятельность активистов может быть остановлена и прекращена вследствие этого закона.

Острая проблема, которую практически не поднимают на государственном уровне, – это преступления ненависти и убийства на почве ксенофобии, трансфобии и т.д. Такого типа убийства и преступления ненависти не фигурируют никаким образом в уголовном законодательстве, так как, в глазах законодателей, ЛГБТ-граждане не являются социальной группой.

С ужесточением ситуации, ЛГБТ-сообщества в России и в частности в Санкт-Петербурге начали активную работу по объединению разных сил: происходит подключение феминистского движения, зоозащитников, очень разных гражданских инициатив, для того чтобы каким-то образом разрешать сложившуюся ситуацию. Один из способов – это жесткое сопротивление, протесты и миграции. И многие активисты и ЛГБТ-люди уезжают из России. Но часть граждан считают, что их заставили, они не хотят менять место жительства и хотят жить в своей стране, потому что они граждане своей страны и патриоты. Поэтому они отстаивают свои права теми доступными способами, которые остались, исходя из того, что их публичные акции тоже регулируются.

Поэтому многие акции, протесты солидарности переползают в online-пространство. И online становится большой площадкой для объединения неравнодушных людей, что имеет большой гражданский потенциал.

В последнее время ЛГБТ-активисты включают в свою повестку много разных тем, широкий спектр вопросов. Поэтому можно сказать, что, вовлекаясь в активизм сейчас, человек несет, прежде всего, индивидуальную ответственность за последствия, которые могут происходить. Несмотря на сильную поддержку сообщества и, например, оказание психологической, юридической и прочей помощи, чаще всего индивид несет персональную ответственность. Каждый для себя должен решить, готов ли он выходить на улицу с пикетом и готов ли публично говорить о себе, когда происходит замалчивание и более жесткий контроль.

Продвижение в России консервативной идеологии и только традиционных ценностей принуждает людей, включенных в сообщество или так или иначе

включенных в национальные гендерные презентации, придумывать новые креативные способы, чтобы донести информацию, просветить сограждан и снизить степень гомофобии и агрессии в российском обществе.

Происходит ли в современной России сексуальная контрреволюция?

Любовь Борусяк, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Известно, что секс – это вещь потенциально очень опасная. Это зона человеческой приватности. Это зона личной ответственности, если государство делегирует человеку право распоряжаться своим телом. И в этом смысле, в истории, человеческая сексуальность была, конечно, очень сильно репрессирована именно потому, что, если ее выпустить на свободу или дать свободу «крылатому Эросу», то всегда существует подозрение, что это будет иметь какие-то негативные последствия.

И не случайно, естественно, как только начинается политическая либерализация, зона ответственности, которую на себя накладывает государство, как шагреневая кожа начинает сжиматься. И наоборот, когда режим ужесточается, гораздо шире становятся те области, куда государство считает себя вправе вмешиваться, не доверяя субъектам коммуникации в этой области самим отвечать за свои поступки.

Сексуальная революция начинается с того, что репрессированная прежде тема начинает артикулироваться, но она становится не социальным явлением, а именно революцией в тот момент, когда затрагивает три сферы: экономику, социальную сферу и политическую. Вот то, что у нас началось в Перестройку и происходило в 90-е годы до их середины, до второй половины, когда была сломана попытка ввести в школах программу полового воспитания. В 1996 году внедрение данной программы в школы страны было приостановлено, как было сказано, «из-за возмущения со стороны родителей и общественных организаций».

Перечислю по пунктам.

1. Экономическая функция семьи – она была в патриархальном обществе, потом постепенно ослабла, и это продолжается, здесь ничего не изменилось.

2. Секуляризация общества. В России процесс идет в строго противоположном направлении. И то, что программы сексуального просвещения в школе рухнули, связано с этим непосредственно.

В чем это проявляется, если говорить о сексуальности? В том, что аборт стал проблемой, прежде всего, моральной и рассматривается строго с религиозной точки зрения: душа зарождается в момент зачатия, или даже до зачатия, и уже содержится в сперматозоидах, поэтому аборт – это настоящее убийство.

3. Сексуальная революция всегда сопровождается тем, что на практическом уровне идут процессы либерализации – например, в отношении к добрачному сексу. В России этот процесс давно шел очень высокими темпами. В связи с тем, что все-таки возраст вступления в брак растет, вряд ли что-то изменилось в плане допустимости добрачного секса.

4. Внебрачный секс. Здесь сложнее: к супружеским изменам отношение неопределенное. Была некоторая либерализация. Последний опрос Левада-центра показал скачок негативного отношения к супружеским изменам как морально недопустимым.

5. Либерализация нетрадиционных сексуальных практик и отношения к гомосексуальности, снижение гомофобии. В этом плане идет, конечно,

существенный откат. По последним опросам, после принятия Закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (2013) тема, которая не была главной и слабо артикулировалась, резко актуализировалась. После принятия закона студенты начинают заявлять, что гомосексуализм – самая острая общественная проблема.

Что сейчас самое важное и интересное? То, что это напоминает реакцию на знаменитые Отчеты Кинси. Когда в 1948-м году вышел знаменитый отчет Альфреда Кинси «Сексуальное поведение самца человека», а в 1953-м – второй отчет «Сексуальное поведение самки человека», Америка, которая гордилась своими традиционными консервативными ценностями, как будто впервые увидела себя, была потрясена и не захотела принять реальности. Началась реакция, а в 60-е годы началась сексуальная революция.

На ценностном уровне у нас идет регресс, который я несколько утрированно назвала «контрреволюцией». Но ценности и практики в ситуации репрессий могут очень сильно различаться. И то, что репрессируется, то не артикулируется, загоняется вглубь и разрушает социальность.

На ценностном уровне люди во многом уже восприняли «новые» консервативные ценности, и опросы об этом свидетельствуют. На уровне практик они ведут себя иначе. Разрыв практик и ценностей – это тоже черта сексуальной контрреволюции. Но в то же время это дает основание предполагать, что изменения в ценностях возможны. Как говорил Альфред Кинси, когда его спрашивали, вреден ли онанизм: я этого не знаю, но я это выясню...

Ольга Здравомыслова. Выступление Любви Борусяк приглашает к дискуссии. Она привела убедительные доказательства резкого усиления консервативной тенденции в обществе. Но нельзя не признать, что противоположная тенденция – либерализация, культурная модернизация – стала настолько сильной, что консервативный поворот, охранительная реакция выглядят, скорее, как страх, моральная растерянность от неспособности жить в изменяющейся реальности. Об этом хорошо говорил Йенс Зигерт, который вспомнил знаковую статью Владислава Суркова по поводу временно отступивших мужчин, которые все равно прорвутся и займут главное место. Йенс связал это со страхом и неспособностью принять новый мир.

Разумеется, это совсем не благодный мир, и он наступил «после 68-го года». Но это мир, в котором не может быть того, что произошло, например, в советской России, когда вслед за попыткой освобождения установилось тоталитарное подавление личности и общества. Это было и срывом первой сексуальной революции в России.

Любовь Борусяк говорила о том, что сексуальная контрреволюция произошла не на ценностном уровне. Но, возможно, мы не понимаем еще, что произошло на ценностном уровне общественного сознания.

Любовь Борусяк. Буквально вчера появился очередной опрос Левада-центра, в котором есть вопрос про качества мужчин, которые ценят в них женщины. И вдруг выясняется, что с 2014 года уменьшилось число ответов, в которых таким качеством называли порядочность.

Ольга Здравомыслова. Вопрос, которым хотелось бы закончить нашу дискуссию, – скорее, риторический. Если оттолкнуться от тезиса Йенса Зигерта, что западные общества прошли в 68-м году точку невозврата и обратное движение уже невозможно, правомерно ли сказать, что российское общество

тоже прошло свою точку невозврата? Пока можно утверждать лишь то, что все исходит через острый, причем публичный, конфликт и политизируется. Вспомним хотя бы «случай депутата Слуцкого», который здесь уже упоминали.

Ольга Исупова. Небольшая ремарка. Насчет того, может ли общество, которое уже модернизировано, хотя бы частично вернуть что-то из архаического прошлого. Если судить по демографическому показателю, такому как среднее число детей на женщин, то демографический переход произошел на всей территории России. Вместе с ним произошли все соответствующие остальные изменения. Конечно, они могут происходить в разных формах. Скажем, где-то женщины надели хиджабы и т.д. Но теперь в соцсетях они их снимают. Женщины везде работают, полно работающих женщин. И детей у них тоже, как правило, двое, если уже даже не меньше.

Любовь Борусяк. Похоже, те женщины более модернизированы, чем иные женщины в Центральной России...

Ольга Исупова. Все, что угодно, можно делать – люди, конечно, не будут лезть на танки, не будут стремиться, чтобы их забили камнями, но они будут придумывать что-то другое, свое. По-тихому...

Кто-то довольно остроумно заметил, что Слуцкий – порождение пережитков крепостного права в нашем обществе. И дело в том, что мы, наконец-то, больше не хотим быть крепостными.

Надежда Ажгихина, факультет журналистики МГУ.

Во-первых, соглашусь с тем, что мы прошли точку невозврата. Думаю, что происходит какое-то проникновение разных сегментов информационного пространства. Это очень позитивно, это началось у нас в Перестройку и продолжается. Как непосредственный участник этого процесса я вижу здесь колоссальный прогресс. Даже несмотря на всю распространенность патриархальной риторики, она все-таки уходящая натура.

Я регулярно общаюсь с молодыми людьми, которые ничего этого не смотрят, не читают. Они нажимают на кнопку, например, telegram и через три минуты знают, что здесь происходит. И у них на это есть свое мнение.

Мне кажется, что не может быть возврата к прошлому – ни к советскому, ни к лагерному... Хотя мне кажется, что с лагерным прошлым и с лагерной практикой связана эта наглость Слуцкого. Это что-то очень глубинное.

Ольга Здравомыслова. В завершение разговора хочу поблагодарить всех его участников – выступивших и слушавших о постсоветской сексуальной революции.

Совершенно очевидно, что эта тема необъятна, в ней много смысловых пластов, личное переплетено в ней с гражданским и политическим.

Мы будем продолжать наши исследования и дискуссию.

Дата поступления: 15.01.2019

“Post-Soviet sexual revolution”: history and modernity. Group Discussion

DOI: 10.19181/inter.2019.17.1

Olga Zdravomyslova

Zdravomyslova Olga – Doctor of Philosophy, Executive Director of the International Fund for Socio-Economic and Political Science (Gorbachev Foundation), omz7253@gmail.com.

Panelists: Lyubov Borusyak, Leading Researcher, Moscow State Pedagogical University, Associate Professor of Higher School of Economics; Julia Gradszkova, Associate Professor at the Södertörn University (Sweden); Jens Siegert, Project Manager “Public Diplomacy. EU and Russia”; Olga Isupova, Senior Researcher, Institute of Demography, HSE; Helen Karlbak, Associate Professor at Södertörn University (Sweden); Elena Onegina, employee of the Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg; Anna Temkina, co-director of the gender program of the Faculty of Sociology and Philosophy of the European University in St. Petersburg.

The group discussion at March 30, 2018 covers a wide range of problems related to modern sexuality, social norms that regulate it, and the historical circumstances that influenced these norms. In the speeches of the participants, three generations of the sexual revolution in Russia are designated: the generation of the behavioral revolution, the generation of the discursive revolution and the generation of the gender revolution. It considers the Bolshevik gender reforms, expressed in the adoption of laws aimed at changing the role of women in the family and society and changing the basis of relations between men and women due to legislative consolidation of gender equality. The authors point out fundamental differences in the pace and nature of gender modernization in Western countries and in Russia, expressed in the fact that in the West, the consequences of the “sexual revolution” of 1968 significantly changed the behavior of both men and women, in the countries of the Soviet bloc only female roles have changed. It is noted, however, that although men show a growing interest in active fatherhood, women in the majority reserve the right to make all reproductive decisions on their own.

Keywords: gender, sexuality, sexual revolution, changing gender roles, reproductive choice, conscious fatherhood, modernization, family.

Received at: 15.01.2019